

О ВОЙНЕ ВСЮ ПРАВДУ НЕ РАССКАЖЕШЬ...

ТАМ И ТУТ

В боях, мечтаниях о доме,
О жирной пище, о тепле,
Кругом кинотеатры, танцы,
И не стреляют по тебе...
Все это заполняло душу,
Мечтаньем радостным томим,
Я жил как «живчик» с искрой в сердце,
Неутомим, других бодрил

Но вот вернулся, все имею,
Пресытился всем, чем хотел,
И стал без дела и по делу
Грустить все чаще – заболел?
Чего, чего мне не хватает?
Сам не пойму – большой мечты!
Иль может свиста пуль холодных!
Иль ощущенья теплоты,
Когда обнимешь после боя
Своего друга – жив, подлец!

Но черт бери, - хочу я мира!
Долой проклятую войну!
Но почему же в этом мире
Себя найти я не могу?
Найду ль себя? не знаю, право...
Ах, к черту мысли – дай бокал!
Давай-ка, выпьем, брат, за тех,
Кто навсегда остался там.

КАК ОБЫЧНО

Ночь. Кто-то бормочет, кто-то во сне даже кричит. Бой мысленно продолжался в сознании уснувших молодых парней. Лицо дежурного по роте и его силуэт высвечивались, накалившимися до красна, стенками гильзы снаряда, которая служила как печка, пламя в ней поддерживалось равномерно капающей соляжкой.

Взгляд дежурного уходил куда-то в пустоту, он смотрел через дыры в гильзе на полыхающий огонь, а видел аллею в парке родного города, как он в парадной форме десантника, с аксельбантом, в голубом берете, с боевыми наградами на груди, идет, медленно ступая по асфальтовой дорожке, держа за руку головокружительной красоты блондинку. Но полная отрешенность дежурного от окружающей обстановки была обманчива, точно в час ночи он, взглянув на часы и включив фонарь, пошел будить сержантский состав. Это была обычная процедура разъяснения ошибок, в ночное время нерадивым солдатам. И надо отметить, многим ночное обучение шло на пользу, – прибавляя сообразительности и ускорения, очень необходимого в бою. А так как в бою ошибка одного ставила под угрозу жизнь многих, то такая экзекуция вызывала у большинства должное признание, а также желание избежать обучения на этих курсах.

Но сегодня был особый случай. «Поднимай этого москаля» – приказал дежурному один из разбуженных им сержантов. «Москалями» называли всех, кто был родом из города Москвы, но дежурный знал, что будить в этот раз надо худенького пучеглазого Игорька, отличавшегося неоднократно гуманностью в боях по отношению к душманам и высказываниями о бесполезности военных действий.

Игорек видно не спал в ожидании предстоящих разборок. Увидев подходящего дежурного, он, накинув сапоги, встал и отошел в угол палатки, на лобное место. Москвич дерзко смотрел на собирающихся вокруг него сержантов, губы его были крепко сжаты, а руки сложенные на груди и вся его поза говорили о его непокорности, и выражали явное неудовольствие происходящим.

Сержанты, окружив его, лениво потягивались, разминая мышцы. По их лицам было видно, что им страшно хочется спать, и вся эта процедура им самим омерзительна. Какая сила их, измотанных боями, не спавших, как следует несколько суток, заставляла вставать ночью? И для чего? Когда разные, случайные люди попадают в критические обстоятельства, не все достойно могут перенести свалившиеся на

них трудности, и хаотично вырабатываются механизмы регулирующие отношения в коллективе, заставляющие более слабых подтягиваться на общий уровень даже помимо их воли.

«Ну, что скажешь?» – начал зам комвзвод, поворачивая рукой голову москвича за подбородок, чтоб взглянуть в его глаза: «Почему отпустил душмана?». Москвич, высвободившись от сжимающей его челюсть руки, выпалил, смотря прямо в глаза зам комвзводу: «Он не душман. Они в горы с сыном от нас подались, на всякий случай, он в политике не бельмеса. Он ни про революцию, ни даже про нашу страну ничего не знает. Он пахарь». Договорить москвич не смог – от удара в живот у него перехватило дыхание. Зам комвзвод нанес серию ударов в живот и по почкам воспитуемому, приговаривая: «У него хоромы, видал какие? – несчастного нашел. Подонок! А винтовку он вместо плуга в горы прихватил – горы распахивать?!». Москвич, согнувшись и жадно глотая воздух, пытаясь восстановить дыхание, прохрипел: «Мы ведь тоже не с мотыгами пришли». Договорить ему опять не дали, на него обрушился град ударов, сопровождаемых выкриками: «Шкурник! Мать – продал – Родину! На Америку работаешь! и т. д.»

Игорь осел, вдавившись в стену палатки, закрывая лицо от ударов. Но сильные руки зам комвзвода опять подняли его обмякшее тело и кто-то прямо в ухо, прокричал: «Он же потом стрелял в нас, мог ребят убить!». Игорь, еле ворочая разбитыми губами, выдал: «Мы же первые все его арыки гусеницами перепахали и в дом из гранатомета выстрелили...». Это последнее, что в этот вечер смог произнести москвич, удары обрушились с новой силой, сопровождаемые оскорблениями и отборным матом.

Утром на проверке побои не удалось скрыть, отцы командиры провели расследование ночного инцидента, виновных установить не удалось, но москвича отправили в союз, от греха подальше. Особо этому, способствовал замполит, доводимый заумными высказываниями этого солдата, во время полита информации. В характеристике, которую писал на него зам комвзвод, как секретарь комсомольской организации, указывалось, что в виду политической безграмотности Игорь не готов к выполнению интернационального долга и рекомендовано прохождение службы в войсках, не связанных с выполнением стратегических задач.

Во взводе с отъездом смутьяна воцарилось относительное спокойствие, возрос боевой дух. Многие еще выпало на долю солдат, трое были тяжело ранены, двое погибли, но если учесть, в каких переделках они бывали, то это ничтожно малые потери за год и все, благодаря усиленным тренировкам и слаженным действиям личного состава.

Самым запоминающимся и радостным воспоминанием у каждого было возвращение домой. Зам комвзвод был награжден орденом КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ и медалью ЗА ОТВАГУ, закончил после службы юрфак, с трудом давалась адаптация к мирной жизни, не мало дров наломал, пока искал на многие вопросы ответы. Начавшаяся в стране перестройка, демократизация на многие события заставили взглянуть по-новому, переоценить их, в том числе и события в Афганистане. И все чаще зам комвзводу не давала покоя мысль, что встретив того парня из Москвы, не сможет смотреть в его глаза, не испытывая угрызений совести. Интересно получается, москаль больше их тогда понимал, а закончил службу с позором. Остальным же и льготы и награды. Не поступил бы замкомвзвод в университет без льгот и наград, как бы жизнь сложилась не известно. Может и лучше, что тогда не все понимал? А тем, кто вернулся с тяжелыми увечьями, им какого осознавать прошлые ошибки правительства? С чем в сердце жить?

СВЕТКА

Новенькая «Ауди» стремительно неслась по шоссе. Он приоткрыл слегка окно, рассматривая прилетающие мимо автомашины на фоне зеленеющих полей. Был жаркий летний день, но врывающийся в окно поток воздуха создавал ощущение прохлады.

Понудобней, расположившись на заднем кресле автомобиля и слегка ослабив галстук, Андрей искося посмотрел на стройные ножки, своей молодой секретарши, соблазнительно выглядывающие из-под короткой юбочки. «Жалко, что от водителя нельзя отгородиться», - промелькнула мысль, но он успокоил себя» впереди еще было несколько дней командировки, вечера в гостинице, ужины в ресторане, презентация, время будет уединиться». И чтоб не выдать свои мысли, он отвел взгляд на проезжающие мимо автомобили, потянулся и, откинув голову на мягкий подголовник, закрыл глаза и предался воспоминаниям.

Три года назад он ездил в этот же город, правда, тогда не было личного водителя, и автомобиль был попроще, да секретарша другая. Тогда он еще не знал, удастся ли заключить договор с местным заводом, так необходимый для работы с американцами, но кроме этого была еще одна задача – навестить своего боевого товарища по Афгану. В Афганистане на mine «лягушке» сержанту второго отделения его взвода оторвало ноги. За женские черты лица и добрый нрав к сержанту прилипло прозвище «Светка». Ноги тогда пришлось ножом до конца отрезать, они держались на нескольких жилках, да обрывках брюк, никаким жгутом, казалось, кровь не остановишь, а все тело было в мелких ранках, обезболивающего вкололи аж два тубика с испугу. Придаваясь воспоминаниям, Андрей сильнее сомкнул глаза и увидел все как наяву: горы, вспышки выстрелов, четверо спускают раненого на плащ-палатке, один несет остатки ног, остальные прикрывают беспорядочной стрельбой во все стороны.

Андрей почувствовал, как все тело напряглось, глаза от пота защипало – все как тогда. Только в душе не было той тревоги перемешанной с решительностью действовать до победного конца, скорее от безысходности, чем из чувства долга.

Спускаться с гор трудней, чем взбираться на них, и поэтому, лежащее в палатке тело билось то спиной, то боком, то головой о камни, а раненый даже не реагировал на это. А спустится, надо было хотя бы до плато, чтобы вертушка смогла забрать раненого. На полминуты палатку с телом положили, чтобы руки сменить, и раненый сержант приоткрыл глаза и со стоном сухими потрескавшимися губами с трудом выдавил: «Ноги болят, сил нет». Он даже не понял, что их уже нет. Метрах в десяти, в промоине, прогремел взрыв. На секунду все слились с горами, но тут же вскочив, продолжили спуск, сержант не подавал признаков жизни.

О горы – вы чудо природы, страшной любой крепости, а душманы здесь как в родном доме. «Вертушка» унесла тело сержанта, теплилась ли в нем жизнь никто не знал, не было времени проверить, загружали под обстрелом. И только через три месяца пришло письмо из госпиталя, и все узнали, что он выжил.

В письмах Светке все клялись навестить по окончании службы, и Андрей в том числе, да все как-то было недосуг. И вот, три года назад, приехав в этот же город по делам, Андрей решил навестить его и даже помочь деньгами, если потребуется, так как, наконец-то материально окреп и зарабатывал побольше директоров даже крупных предприятий. Андрей несколько раз позвонил в квартиру, но звонка не было слышно, тогда он для верности решил постучать, дверь была не заперта и открылась от ударов. Пройдя в квартиру, он увидел сначала валявшиеся на грязном полу пластмассовые протезы с ремешками, а затем Светку на старом диване под каким-то грязным покрывалом. Лежащее на диване тело казалось еще короче, чем тогда в плащ-палатке, по спине Андрея пробежал холодок. Светка приоткрыл глаза, прищурился, пытался понять, кто перед ним стоит, и вдруг нижняя губа его задрожала, а глаза наполнились слезами.

Дальше Андрей помнил все как в тумане, какие-то обрывки мыслей, щемящая боль в душе, бьющая прямо в сердце. Помнил, как откупоривал принесенную с собой бутылку «Абсолюта», а Светка показал, где взять посуду. Стаканы были грязные, а внутри их был налет зеленой плесени. Сполоснув их водкой, налил ему, а сам пил прямо из бутылки. Разговор между ними он не мог воспроизвести в памяти, да и вряд ли можно было запомнить несвязанную речь Светки, быстро охмелевшего, бессвязно что-то объяснявшего, перескакивающего с темы на тему. Понять удалось лишь то, что мать возвращение сына без ног пережила с трудом, а бег по инстанциям и попытки помочь сыну, докончили ее окончательно, и через год она умерла. Девчонка, ждавшая из армии, писавшая в Афган каждый день, даже ни разу не пришла. Приходили раза четыре из военкомата, обещали помочь с работой, да так и пропали. Алкаши дворовые часто заходят, особенно когда гробовые приносят, ночуют, пьют. Когда никого нет, совсем плохо. В туалет порой не встать, под себя так и ходит. Потом как озарение находит, все уберет, моется, пытается найти работу и опять провал.

Андрей попал явно не в период озарения, он был больше растерян, чем тогда в бою, когда Светку ранило, тогда он хоть знал что делать, а тут была полная безысходность. Наврав что-то, про срочную встречу с местным руководством и что скоро опять зайдет, Андрей оставил на стуле деньги, что были, и выскользнул из квартиры. Светка ни чего не говорил, видя уходящего гостя, но его глаза, это надо было видеть, были полны отчаяния, как будто от него уходила жизнь. Выйдя на улицу, Андрей сделал несколько глубоких вдохов, сердце защемило. Секретарша, ждавшая приглашения в квартиру, о чем-то не к месту пошутила, он огрызнулся, так и ехали всю обратную дорогу молча.

Много раз потом обдумывал планы, как помочь Светке, но так ничего толкового и не придумал. Да и когда прогонял воспоминания о нем, становилось легче. Нахлынуло немало своих забот, то магазин обворуют, то налоговая кровь пьет, один экспедитор скрылся с десятью тысячами долларов, всех обманул еле рассчитались с кредиторами. Целый год преследовала полоса неудач, еле выкарабкался. Потом женился, родился ребенок. Чем больше проходило времени, тем легче было гнал мысль о Светке. И вот через три года он ехал снова в этот город. Решил – заходить не будет, только узнает у соседей, – жив, ли? Если что, сходит на могилку, возложит цветы, помянет.

Встряхнувшись от этих грустных мыслей, Андрей легким нажатием на клавишу пульта управления магнитофона увеличил звук, музыка заполнила все пространство в салоне. Он еще раз взглянул на ножки секретарши, на этот раз она перехватила его взгляд и, игриво улыбнувшись, отвернулась к окну.

Поездку к Светке он отложил на последний день командировки. Чуть охмелев от выпитого на презентации шампанского, Андрей дал водителю его адрес, а сам задремал на заднем сиденье автомобиля. Когда его разбудили, он увидел тот же убогий дворик, окруженный старыми двухэтажными зданиями. Сразу стало как-то тоскливо. Моросящий дождь, покосившийся штaketник, вытоптанные газоны, обвалившаяся штукатурка на стенах домов только усугубили нахлынувшее мрачное настроение. После шикарной обстановки на презентации, современных небоскребов это, казалось, был какой-то другой мир. Две старушки, стоя под козырьком подъезда, где жил Светка, о чем-то беседовали. К ним он и решил подойти. Услышав, кого он ищет, бабульки некоторое время смотрели на него с недоверием, затем самая маленькая и худенькая из них, с каким-то ехидством изрекла: «Они теперь с семьей как бояре, в собственном особняке за речкой живут». Как не пытался он пояснить им, кого он ищет, старушки все время твердили про семью, детей, дворец. В квартире ему тоже пояснили, что прежние жильцы живут за речкой и дали их адрес. Ничего не оставалось, как поехать по указанному адресу, что бы узнать, что со Светкой случилось.

Дворцом оказался двухэтажный каменный особняк, с большим количеством цветочных клумб во круг. Чувствуя себя полноправной хозяйкой, во дворе разгуливала маленькая, рыжая собачка, похожая

на лису. Увидев, выходящего из подъехавшей машины человека, она пронзительно залаяла. Видно, услышав лай, кто-то выглянул в окно и женский голос не понятно, откуда доносившийся спросил: «Вам кого?». Разглядев домофон в калитке со встроенной видеокамерой, Андрей начал, путано объяснять, как попал сюда и кого ищет, но тот же голос прервал его фразой: «Сейчас открою!». Дальше, все было как в сказке об Иване царевиче, выскочившим из кипящего котла добрым молодцем. Это была действительно жена Светки, и у них был ребенок. Потом приехал на запорожце и сам хозяин, специальное устройство подняло его прямо в инвалидной коляске из гаража на второй этаж. Что он ходит на протезах, было почти незаметно. Сидели, долго говорили об Афгане, о тех с кем служили, о политике, о семьях и даже о бизнесе, но оба избегали разговора о первом приезде Андрея и вообще о том периоде из жизни Светки. Светка теперь работал ювелиром и делал шикарные украшения, их специально приезжали покупать даже иностранцы. Его жена жаловалась, что часто заказывают сделать повторно некоторые изделия, но муж отказывается, говорит, что нельзя дважды воссоздать частичку своей души. Дом им построили за счет беспроцентной ссуды на 25 лет, дали как Афганцу. Андрею Светка изготовил еще раньше перстень из золота индивидуальной работы со знаком зодиака «Скорпионом», держащим зеленый изумруд в клешне. Заготовка перстня была сделана давно, необходимо было только подогнать размер пальца. Доделан перстень был часа за полтора и, вручая перстень, Светка сказал: «Знал, что увидимся». Андрей родился под знаком скорпиона, а Светка рака, родственные знаки, они всегда с полуслова понимали друг – друга.

Уже стемнело, когда он выехал от Светки, рядом так же сидела секретарша с обворожительной улыбкой, она была явно восхищена, когда приехал Светка в полевой форме со всеми наградами с семьей прощаться с Андреем. Странно, после общения со Светкой, воспоминания о проведенных ночных оргиях с этой смазливой красоткой казались непристойными, хотя раньше он просто бы гордился очередной своей победой. Он чувствовал, что что-то очень яркое и светлое согревает его душу. Андрей закрыл глаза, делая вид, что спит. Хотелось уединиться, что бы осмыслить события последнего вечера. Он не нашел способа в свое время как помочь Светке, а он дарит ему золотой перстень, инвалид дарит здоровому, преуспевающему во всем. Многое между ними все же осталось недосказанным. Приняли как отца родного, чувствуется в этом доме, не раз говорили о героическом зам комвзводе, но он то стал другим и Светка это почувствовал. А Светка все тот же. Образ зам комвзвода конечно немного идеализирован Светкой, а может, Андрей действительно был таким, но сейчас таким не выжить, но ведь Светка живет. Жена у Светки красавица, немного крупновата, но довольно аппетитная, все формы правильные, обаятельное личико. Надо же и ребенок родился, ноги Светке оторвало, все тело осколками посеколо, а самая главная функция тела сохранилась. В разговорах они хоть и старались не касаться периода жизни Светки после госпиталя и до знакомства с супругой, но Андрей из обрывков фраз, рассказов его жены, пытался воссоздать события, как со дна Светка возродился и поднялся. Скорей всего было так:

Светка пил, опустился, и однажды понял, что впереди безысходность, смерть при таком образе жизни. И в стотысячный раз, решив начать жизнь с –начала, дал объявление в газету, что инвалид Афганской войны без ног хочет познакомиться с девушкой с серьезными намерениями (это объявление у них на стенке в рамочке висит.), так он и списался с Верой. Почему такая красивая девушка полюбила Светку? Тем более она сама говорила, что сразу, при первой встрече по его лицу поняла о его крепкой дружбе со спиртными напитками, хотя он был одет в белоснежную рубашку с черным галстуком, а в тексте объявления было указано «вредных привычек не имею». Вера из какой-то глухой деревушки, куда еще цивилизация не занесла своего вредоносного влияния, да еще из многодетной семьи, именно это, наверное, помогло ей сохранить душевную чистоту и силу. Для городских многие поступки ее показались бы, мягко говоря, странными, но даже эта деревенская простушка после третьей встречи, когда Светка напился и показал истинное лицо, решила порвать с ним всякие отношения. Когда Вера ехала на вторую встречу со Светкой, из чувства долга, для объяснений, что у них ничего не получится, и она не сможет с ним встречаться, она прочитала объявление в газете, что у какого-то бизнесмена немцы посетили мастерскую ювелирных изделий, и очень восхитились увиденным, предложив даже участие в международной выставке. И она вместо Светки пошла к этому бизнесмену. Пока рассказывала, – расплакалась, так и заявила сквозь слезы: «Вы обязаны его взять и обучить своему мастерству, иначе человек погибнет!». И, надо же, бизнесмен согласился. Но самое трудное, оказалось, уговорить Светку пройти обучение. Вера сама говорила, что ездила к Светке из жалости, любовь пришла позже, когда увидела силу его характера, после бесконечных бесед до утра, когда она все больше убеждалась в родственности их душ и схожести взглядов на многое. Видно все трудности, свалившиеся в жизни на Светку, его встреча с этой девушкой перевернули его душу, раскрыв и оголив лучшие стороны, что нашло отражение в ювелирных изделиях выходивших из-под его рук, как по взмаху волшебной палочки.

Размышляя о Светке, Андрей оглядывался на последние свои годы жизни, и теперь они казались какими-то никчемными, сплошные пьянки-гулянки, сколько любовниц, у кого круче автомобиль – все, что занимало умы его окружения. И за всем этим один идол деньги, любым путем. Он чувствовал, что что-то в нем меняется, что-то хорошее из прошлого возвращается к нему. Андрей точно решил выйти из этой гонки без победителей, кто круче, знал, что будет многое менять, но еще не знал как. Секретарша положила свою руку рядом с его, чуть касаясь, но он будто не замечая прикосновения, сложил руки на груди и отвернулся к окну, нужно многое было обдумать.

Слет воинов – интернационалистов походил с большой помпезностью. Лучших сержантов и офицеров, как говорили, собрали со всего союза, вручали нашедшие своих героев награды, а медали от благодарного афганского народа каждому, с почетной грамотой, подписанной лично президентом СССР. На дворе было лето 1988 г., и все это преподносилось в духе патриотического воспитания молодежи. Никогда Артем не видел такого количества офицеров с большими звездами. Сам он службу в Афганистане закончил в звании сержанта, и сейчас продолжая служить в пожарной охране, его погоны украшали три сержантские лычки, поэтому для него особенно было приятно оказаться в столь высоком обществе. На слете царил приятная и очень душевная обстановка между людьми не зависимо от званий и количества наград. После вручения наград и ценных подарков, состоящих из дерматиновых папок и юбилейных медалек в пластмассовых коробочках приуроченных к этому событию, всех развозили по ресторанам города Фрунзе. Здорово какой-то завод заработал, получив госзаказ на выпуск всех этих подарков, где еще найдешь, сбыт такому товару. В ресторане Артем сидел за одним столиком с зам. министром Чувашии и бойцом с развед-роты, который от избытка энергии или от большого количества выпитой водки, постоянно и очень профессионально крутил вилку в руке то и дело, нанося удары из разных положений в условного противника. Напились все до чертиков, отобрав инструменты у ансамбля, устроили вечер афганской песни. В центре танцевальной площадки, положив, друг другу руки на плечи образовали несколько кругов и, раскачиваясь в такт мелодии, и подпевали солисту. При исполнении песен о погибших товарищах многие плакали. Все присутствовавшие в ресторане были как частички единого организма, сплоченного общими воспоминаниями.

В ресторане все столики были заняты десантниками и только две кабинки были закрыты шторами, в самый разгар праздника их распахнули и на все происходящее, с явным неудовольствием, смотрели гражданские личности, в шикарных костюмах со золотыми перстнями на руках. Они были явно лишними на этом празднике и, почувствовав это, один из них, спустившись к самодеятельному ансамблю, и вырвав у певца микрофон, успел прокричать: «Вы не одни здесь отдыхаете, не мешайте другим!». Он наверно хотел еще что-то сказать, но его уволокли на улицу. Ансамбль исполнял балладу об Афганистане, когда какой-то лейтенант, вбежав в зал, и заорал, пытаясь перекричать солиста и подпевавших ему десантников: «Наших бьют!». Все как по мановению волшебной палочки бросились на улицу.

Артем, уже в сильном подпитии, помнил только, что выбежал вместе с зам. министром, а на встречу им бежал какой-то гражданский, с ножом в руках. В охмелевшем мозгу мелькнула мысль: «Прикрою министра, опять медаль дадут». Боковым зрением он увидел падение в фонтан без воды гражданского. Истошный вопль падающего спиной на трубы в фонтане человека, говорили о неудачном приземлении и тяжелых последствиях. Бежавший на них с ножом остановился, встав в оборонительную позу, стал размахивать ножом. Рядом был зам. министра и Артем сделал шаг вперед, прикрывая его, чем напугал нападавшего, тот начал отступать еще интенсивнее размахивая ножом. И вдруг сзади Артем услышал нечеловеческий вопль: «Мой!!!». Он машинально отшатнулся в сторону, увидев несущего с озлобленным лицом, того с развет-роты, что сидел с ним за столиком. Пролетая, мимо Артема, он подпрыгнул, и в прыжке сделав обманный удар левой ногой (при этом противник двумя руками блокируется со стороны предполагаемого удара, забывая обо всем - это один из лучших и сложнейших приемов рукопашного боя.), тут же нанес удар правой в незащищенную часть лица. Вооруженный ножом мужчина, чуть подлетев, упал на асфальт. Рядом с ним приземлился, в стойке нинзя, этот с развет-роты. Видя поверженного противника, и желая продолжения боя, он орал: «Вставай! Вставай!», но тело не подавало признаков жизни.

Дальше Артем помнит мелькание милицейских фуражек, какую-то «Волгу», подвозящую его до гостиницы.

Утром, Артем, сладко потягиваясь в постели, пытался проанализировать события последних дней. Во-первых, все события в Афганистане в рассказах сослуживцев, приобрели романтическую окраску. Все участники событий, вспоминая тот или иной эпизод, сразу принимали версию наиболее талантливого рассказчика, прибавляя что-то от себя. Случай рассказанный вначале слета, в конце видоизменялся и обрастал новыми интересными подробностями. Видно это была компенсация за невозможность описать и рассказывать о чувстве голода, изматывающей жажде, бесконечных марш-бросках в горах, испепеляющей жаре днем и пронизывающем холоде ночью и страшной тоске по родным и близким и т. д. Словами это не опишешь, такое можно только пережить. Другое дело чудеса, происходящие на войне, героические поступки, тогда совершаемые с замершим от страха сердцем, в отчаянии, от безысходности, из мести за погибшего друга, теперь преподносились как заслуги холодного разума, горячего сердца, десантной выучки и удачи. Плановые операции с Москвы приводили к большим потерям и были не эффективны, каждый командир с замиранием сердца (малейшая ошибка, допустимая на плановой операции могла стоить трибунала) сам находил способы и разрабатывал операции для борьбы с обнаглевшими душманами и наведения порядка на вверенной территории. Вспоминали случай с Леммой, когда надо было обеспечить спуск раненых с гор, тогда захватили большой арсенал оружия у противника. Решили с захваченным оружием оставить Лемму, как наиболее уставшего, а остальные пошли на помощь группе обеспечивающей спуск. Отошли метров тридцать, и вдруг сзади, где оставили оружие под охраной, прогремел взрыв, всем тогда было понятно Лемма погиб. Прибежали назад, к злополучному месту и видим, Лемма в шоке, но живой, чего быть не может. Дрожащей рукой Лемма показывает в

сторону тропы, уходящей в горы и шепчет как контуженный: «Душман!!! Душман!!!». Трое бросились в указанном направлении. Пробежав метров сорок и, поняв, что сбились со следа, решили вернуться назад. Когда возвращались, услышали из-под камней стоны: «Вайи! Вайи! Вайи!».

Заглянули под валун, а там душман, все тело от ран кровоточит, – умирает. Потом выяснилось, что Лемма разбирал душманский бур, а свой автомат отставил в сторону, на него выскочил афганец с пистолетом и выстрелил в него три раза. Все пули прошли у головы. Автомат его был в стороне, в руках разобранный бур и Лемма с испугу выхватил пришитую за кольцо у него в кармане гранату Ф-1 и катнул ее под душмана, который стоял метрах в восьми от него. Носить гранаты с ввернутым запалом даже на боевых операциях, а тем более с пришитым кольцом категорически запрещалось, так делали дозорные, чтобы в случае захвата можно было покончить с собой. Разлет осколков гранаты ф-1 двести метров, применяется она для метания исключительно из укрытия. У Леммы не было ни какого шанса выжить. Когда в батальоне рассказывали об этом случае, ни кто не верил. Сам Лемма, а с ним и весь взвод тоже гадали, как это могло произойти, и вынуждены были согласиться с версией командира роты. А он, осмотрев место взрыва, решил, что, падая, граната попала в расщелину, расширяющуюся в низ, мощные камни выдержали взрыв, направив его основную мощность вниз, а то, что вырвалось вверх, принял своим задом и спиной душман, которого буквально изрешетило осколками, а пробежал он несколько метров, как курица без головы, в болевом шоке.

Интересно было вспомнить с Каратаем, как они спасали «Булдырщицу» (так называли продавщиц в военных лавках). У них-то в батальоне «булдырей» не было, это было преимущество крупных формирований. В этот раз помогали сопровождать колонну из Кабула через провинцию Лагман, куда колонна направлялась после их провинции, не знали. Про провинцию, где дислоцировался их батальон, какой-то народный умелец сложил стишки:

Вертолеты МИ-8

Работали в паре.

По ним с ДШКа

Думаны стреляли.

Долго обломки

В горах собирали.

Нет! И не будет

Порядка в Лагмане!

Сопровождали они колонну с бензовозами, а один грузовик тянул «булдырь» на колесах. По слухам, в нем находилась красивая продавщица, но ни при встрече колонны, ни в пути ее увидеть не удалось. На одном из плато, где меньше всего ждали нападения, начался сильный обстрел. Потом уж узнали, что душманы стреляли из-под противоположного берега реки, вырыли прямо в воде под берегом норы и сидя по пояс в воде вели огонь из всех видов оружия. Создавалось ощущение, что огонь ведут из аула на противоположном берегу, все дома в том ауле были разнесены в щепки. Пока, под обстрелом, добирались до ущелья, один подбитый бензовоз сгорел, две машины пришлось взять на буксир, были раненые. Грузовик, тащивший булдырь, подбили, и он сгорел, перекрыв дорогу. Необходимо было его столкнуть в сторону вместе с прицепом, чтобы расчистить путь, но сначала надо было попытаться спасти булдырщицу. Это задание было поручено экипажу Артема. Они попробовали пробиться к автомобилю с булдырем на БМД, но хаотично сгрудившиеся бензовозы не позволили этого сделать. Тогда оператор, их экипажа, оставив свою кабину, побежал разгонять бензовозы, прятаясь друг за друга, от обстрела с лева. Артем с Каратаем побежали к булдырю спасать продавщицу, чтобы, когда БМД пробьется, осталось только столкнуть грузовик и прицеп в сторону. Огонь противником велся с одной стороны, что позволило им беспрепятственно добраться до ближайшей машины к булдырю с другой стороны, дальше надо было лезть под пули. Каратай, без команды, рванул вперед, а Артем прикрывал беспорядочным огнем. Добежав до цели Каратай, сбил навесной замок и распахнул дверь. Продавщица стояла в проеме. Один край прицепа был задран вверх из-за пробитого колеса с левой стороны и продавщица, до смерти перепуганная, не решалась прыгнуть на землю. К тому же ей явно мешала джинсовая юбка, плотно обтягивающая икры, хотя и выше колен. Ей бы задрать юбку и прыгать, а она наоборот, одергивала ее и визжала как недорезанный поросенок. Каратай, пригибаясь от свистящих рядом пуль, крикнул: «Прыгай сука!». Вдруг Каратай резко дернуло в сторону, и он завалился на спину, обеими руками держась за живот, и он громко завопил от боли. Артем знал – в таких случаях надо действовать машинально, начнешь думать, придет страх, а за ним нехорошие мысли. Стараясь действовать по инструкции заложенной в подсознание, он машинально выхватил из кармана на рукаве перевязочный пакет, разорвал его, и, зажав в одной руке тампоны с бинтом, в другой автомат, крикнул кому-то, дышащему ему в затылок через плечо: «Прикройте!», и бросился на помощь Каратаю. Артем бежал, бросаясь, то в одну, то в другую сторону, резка смена траектории не давала возможности вести по нему прицельный огонь. Все действия выполнялись автоматически, за полтора года службы все было отточено до мелочей. У раненого в живот организм поврежденные кишки выкидывает наружу и их необходимо забинтовать, чтобы обратно не ушли во время транспортировки раненого, иначе все выпущенное из них содержимое попадет во внутрь организма, и тогда пока до вертолета, а там до Кабула – не спасут. Место с раненым всегда пристреляно, специально его не добивают, ждут спасателей, поэтому на все действия отпущены секунды, да божья воля. Артем бросился на Каратая, разомкнул его руки сжимающие живот, видит комбинезон цел, а крови море. В программе вложенной в мозг произошел сбой, вызвавший замешательство, и

вдруг на глаза попалась рука Каратая с разорванным пулей мизинцем, в мозгу опять включилась программа. Артем машинально наложил на мизинец два заготовленных огромных тампона и ловко забинтовал и вколол пирамидон, уже плотно прижимаясь к земле от свистящих пуль. Перевязанный мизинец Каратая был больше кулака, но тогда это смешным не казалось и он, взяв себя в руки, с перекошенным от боли лицом бросился назад к машинам. Артем, не отрываясь от земли, взглянул на продавщицу, прижавшуюся к косяку и вцепившуюся в него длинными накрашенными ногтями. Глаза ее были закрыты, из них безутешно лились слезы, рот был широко открыт, но странно, крика не было слышно. Но осмысление происходящего тогда, пришло намного позже. В ту секунду он лишь понял, что добровольно она не спрыгнет, и Артем, подчиняясь какому-то инстинкту, приказу изнутри, бросился к ней, схватил ее за юбку или трусы, или за то и другое (даже потом, вспоминая этот случай, он не смог понять, за что ухватил) и резко дернул на себя. Она, вылетев из своего укрытия, приземлилась на четыре конечности, да так не профессионально, что показалось, ее тело может рассыпаться на мелкие кусочки от резкого соприкосновения с землей. Глаза ее правда открылись, и, увидев, что Артем ее собирается пнуть сзади, а может, услышав команду: «Беги!», она рванула в сторону машин. Когда добежали до ближайшего грузовика, обстрел уже велся с двух сторон, своя БМД так и не пробилась, сталкивать грузовик с булдырем вернулась БМД второго взвода, а им с продавщицей пришлось ползти между колес грузовиков к спасительной броне. Продавщица ползла перед Артемом и постоянно приостанавливалась, чтобы одернуть задирающуюся юбку. Думаны, стреляли по колесам грузовиков, и пули свистели рядом, издавая пронзительный звон, попадая в различные части автомобиля. Обстановка явно не располагала и одергивание юбки, когда каждая секунда могла стоить жизни, взбесило Артема и он ударил ее прикладом автомата в зад. Она сразу поползла быстрее, и они успешно добрались до брони. Все со смеху катались, вспоминая, как он мизинец забинтовал, с продавщицы юбку стаскивал и бил прикладом за стриптиз. Всех больше Артема удивило и где-то обидело, что никто не вспоминал, как он сидел в яме дожидаясь трибунала и за что. Гаубвахты в их палаточном лагере не было, поэтому разрушители рыли себе яму сами в горе, киркой да лопатой размером 2 на 2 и 2 в высоту, пока роешь, срок отсидки не идет. Но Артема, как сержанта или учитывая исключительность случая, посадили в готовый горный каземат. Прелюдия этому была такова, был у них прекрасный командир взвода Шишкин, это он во время плановых операций разрабатываемых в Москве или после них, придумывал такие каверзные засады и внезапные нападения, что рукава и брюки приходилось засучивать, разгребая трупы противника, чтоб одежду кровью не перепачкать. Наградные на ребят каждый день почти отправляли, правда все равно не получал никто, план говорят на медали был и всем не хватало. У трупов собирали документы, чтобы знать о взаимодействии банд и деньги, чтоб «стукачам» платить. Здорово, их, информация, потом, выручала, много, солдатских, душ спасли такие небескорыстные помощники. А в общении командир взвода был простым душевным человеком, сколько ночей с ним в засадах провели, кажется обо всем переговорили, когда продукты, сигареты кончались у бойцов, всегда делился офицерским пайком, им побольше выдавали, а вот водой, с ним приходилось делиться, никогда ему своих запасов не хватало. Это он придумал дозор в пешем выдвигании переодевать в душманов. Три раза дозорные выходили на врага, если бы не маскарадные костюмы – верная смерть, один раз, таким образом, даже переговоры вели при помощи рупора с сидевшей в засаде бандой. Душманы настолько им поверили, что даже группу на переговоры выслали. Пока знающий их язык Зайнидин перекликался, основные сил окружили банду, результат был ошеломляющим. Без единой потери с нашей стороны, разбили банду, захватив семь человек в плен. Это взводный Шишкин научил Артема, если приказывают наступать, – подумай, а если приказывают отступить – беги так, чтоб пятки сверкали. Рации в бою имеют офицеры и сержанты, и однажды, когда выбили банду с горы обеспечили проход колонны, комбат, не участвовавший в операции, находясь в штабе, и видимо разгоряченный поступающими сообщениями, приказал продолжить наступление и захватить и эту гору. Абсурдность приказа была очевидна, углубляться одним взводом в горы нелепо, да и смысла не было, без мощной огневой поддержки врагу не навредишь, а своих погубить можешь. Командир взвода без рации отдает команду к отходу. Артем, не понимая что, происходит, бросается к нему со словами: «Приказ же наступать?». Но в ответ получил тираду бранных выражений, примерно следующего содержания: «Твое дело петушиное, солнце встало кукарекай, а думать я буду». Ну, Артем и прокукарекал отход. Уже почти закончили отступление, половина людей была уже на броне, комбат по рации дал тоже приказ к отходу, видно спохватился.

Убило командира взвода Шишкина, когда попались на броне в засаду. Среди бойцов образовалась паника в тот момент, и он, чтобы снять напряжение, вылез на броню и через репродуктор отдавал команды. Видя такую храбрость все сразу успокоились, ситуация была взята под контроль, и все бы кончилось хорошо, да пуля – дура прошла его со спины, срикошетила от стального операторского люка где он сидел и опять в него вошла. Артем подбежал одним из первых, стащил его в башню, затыкая большим пальцем дыру на груди, откуда выходил воздух из пробитого легкого. Когда подали перевязочный пакет, вколол пирамидон и наложил повязку с резиновой прокладкой. Пока выходили к безопасному месту, пока прилетели вертушки взводного начало трясти. Потом они узнали, что он скончался в вертолете, не приходя в сознание. Через три дня им прислали нового взводного – отличника воздушно-десантного Рязанского училища. Был как раз какой-то праздник, и он выступал с показательным выступлением боевых искусств востока. Особенно всем понравилось, как он работал кортиками, все были восхищены, какой им взводный достался, потом выяснилось, что он и стрелок отменный. Стал он наводить новые порядки во взводе. Переодевания в душманские одежды запретил, солдат якобы должен гордиться своей

формой, а вдруг свои, перепутав, выстрелят, такого ЧП он допустить не мог. Деньги у врага запретил брать, как бы кто не прикарманил, да не купил потом чего-нибудь запрещенного, информаторов, естественно без денег не стало. Бронежилеты стал заставлял одевать в обязательном порядке на все операции. Раньше, если даже представитель с Кабула инспектировал проведение операции, надевали стеганки ватные под комбинезоны, как будто все в бронежилетах. С первым взводным они ставили два бронежилета на расстояние около 300 метров и стреляли из автомата АКС-74, все пластины пробивало. В каждом бронежилете две стороны – передняя и задняя, то есть пробивало четыре пластины, значит даже четыре бронежилета не могли спасти от прямого выстрела. А в бою и на переходах вес бронежилета сильно изматывал и ограничивал в движениях, в общем, они всем взводом решили, что эта вещь не только бесполезная, но и вредная. В горах надо было прыгать козочкой, даже на поясной ремень старались ничего не вешать, все крепилось на, специально, каждым для себя сшитом ранце. Но их доводы взводного не интересовали, главным для него было положение инструкции. И он сразу заявил о царившей во взводе демократии, но больше этого не будет. Действительно до него у них действовал негласный закон, – в бою советовать может каждый, вдруг, что умное подскажет, а решение принимает старший и оно исполняется безукоризненно. Только после боя можно было обсудить правильность того или иного приказа, голосовать под пулями было некогда. Артем все эти нововведения, как заместитель командира взвода должен был поддерживать и претворять в жизнь. Некоторым из них он пытался найти оправдания, другие утверждал силой, конфликтовать не хотел, да и бессмысленно – армия. Не всю же жизнь Артему служить, до дембеля пять месяцев оставалось, да и похуже он выкрутасы видел, когда в Кабуле перед боевыми на плацу по два и более часа на невыносимой жаре в полной экипировке стояли для проверки бирок с фамилиями на снаряжении, а потом шли уже измотанные в горы на боевые. Но, несмотря на старание Артема, конфликт с взводным все-таки произошел. Однажды в дозоре, ночью Артем стал получать от взводного команды по радиации изменить направление движения намного левее. Ответить он опасался, так как шли по вырытым прямо в горах траншеям, и за каждым углом мог быть противник. В кромешной тьме на звук голоса можно запросто получить пулю в лоб. Да и смысла отвечать не было, он знал эту местность лучше и по фотокarte помнил, что надо идти еще правее, да укрепления, которых раньше не было, помешали, их надо было обследовать. Обнаружив бойницу, Артем укрылся в ней и вышел в эфир, доложив об обстановке. Взводный слушать не стал о направлении движения, его заинтересовали окопы. Приказ был продолжить осмотр и в случае обнаружения противника бесшумно снять часовых. Играть в Рэмбо ни кто не собирался, хотя у Артема был прибор ночного видения, в тесных окопах он не мог помочь. Контакт с противником в таких условиях мог быть только внезапным и бросаться в рукопашную, не зная, сколько кого, вокруг было, мягко выражаясь нелепо. Поэтому они продолжили осмотр, держа автоматы готовыми к стрельбе с бедра, чтобы в любую минуту открыть шквальный огонь и начать отступление. Исследовав все укрепления и убедившись, что они заброшены, они продолжили движение, забирая как можно правее. Наконец и комбат подал по радиации голос. Как и предполагал Артем, взводному указали на правильность выбранного дозором направления, предложив получше изучать карты перед операциями. Артем, успокоившись, продолжал движение, всматриваясь в темноту и стараясь двигаться как можно тише. Вдруг сзади, со стороны своих, послышались звуки бегущего человека, по металлическому клочку можно было определить, что он вооружен. Тысячу мыслей пронеслись мгновенно в голове: «Думаны откуда сзади?; свои, почему так громко не по радиации?; и т.д.». Все присели, прижимаясь к земле, готовые встретить огнем незнакомца. На каком расстоянии Артем узнал взводного, уже не помнил, зато до сих пор отчетливо вспоминаются его выпученные от бешенства глаза, когда он схватил его за лямку от ранца одной рукой, притянув к себе, а другой резко нанес удар в грудь. От неожиданности Артем чуть не упал, только до автоматизма доведенные приемы рукопашного боя помогли, отпрыгнув чуть назад устоять на ногах. Взводный орал дрожащим голосом на всю округу, руки его тряслись. Орал он примерно следующее: «Комбат приказывает мне, а не тебе. А ты, сука, будешь делать, что я скажу, а не то носить тебе гранатомет с чистыми погонами, пошел вперед». Гранатометом Артема испугать было трудно, их сержанты чаще других таскают за обессиливших, да и в учебке полгода отбегал с ним, намного легче, чем за других отвечать. За удар перед подчиненными, крики в дозоре, затаилась обида в душе сержантской, но лучше было об этом не думать, а считать дни до дембеля. Время летело быстро в трудах и заботах, ночи еще быстрее, только рухнул на койку – уже команда дневального подъем. Интересно получалось, оба взводных выдвигали одно и тоже требование, выполнять их приказы, не зависимо от указаний сверху, но воспринималось это по-разному. Не потому ли, что в дном случае это было продиктовано законом целесообразности, а в другом - личными амбициями. Постепенно все свыкались с требованиями и характером нового взводного, да и он, приобретая боевой опыт, менялся, но гром для Артема все-таки грянул. По информации сверху обезвреживали крупное бандформирование в одном из аулов. Ночью окружили поселение с гор и утром пустили на него броню, душманы в горы, а мы их из всех орудий, незначительная часть противника сумела просочиться в соседний аул за руслом высохшей реки. Когда все закончили, осталось прочесать дома в этом соседнем ауле, разобравшись с теми, кто там спрятался. Операция шла обычным ходом, осмотрели уже половину домов, когда по радиации поступило сообщение: «Всем карандашам срочный отход, с трех сторон с гор спускаются крупные бандформирования, коробочки не смогли перейти высохшее русло, помочь не могут, срочный отход!». Сообщение повторилось несколько раз, Артем в ожидании такого же приказа от взводного поглядывал на него, тот как будто ничего не слышал, смотрел, сосредоточенно вперед, потом, не поворачивая головы, приказал: «Видишь, через забор душманы лезут, обстреляйте из мух, и атаковать дом».

Артем имел неосторожность напомнить о приказе комбата, но услышал в ответ, что таким трусам на кухне надо работать. Дом захватили и перебили всех быстро и решили отходить, только из калитки, а там свинцовый дождь из пуль. Виллисов сам без приглашения первым из двери выскочил, презирая, свистящую рядом смерть, добежал до арыка и спрыгнул в воду и открыл беспорядочный огонь из пулемета, заставляя противника прижаться к земле, мешая ему вести прицельный огонь. Это позволило остальным, добраться без потерь до спасительной канавы. Спрыгивающие к нему в канаву тоже открывали огонь, но только его мощный ПКМ мог помешать противнику, поэтому без остановки он стрелял с одного места. Когда последний боец спрыгнул в арык, Виллисова отбросило назад, тело его обмякло, Мухамед успел схватить его и удержать от погружения в воду. Артем стащил с берега пулемет и, пока перезаряжал заевшую ленту, видел боковым зрением, что голова у Виллисова разбита, виден белый мозг, много крови. Мухамед разжал ему челюсть, вынул из гортани язык и проколов его булавкой пристегнул к тельняшке, затем перевернул Виллисова головой вниз (при ранении в голову тошнит, необходимо освободить гортань и положить раненого так, чтобы не захлебнулся) и в таком положении вколол пирамидон и сделал перевязку. Начали, отстреливаясь, продвигаться по арыку к своим, огонь противника становился более интенсивным, видно прибывали все новые силы. Мухамед, обхватив Виллисова рукой под мышки и прижав к себе, тащил его по канаве, вода несколько облегчала ему эту задачу. Русло арыка на одном участке сильно обмелело, вода доходила до самых берегов, и Мухамеда с Виллисовым стало видно как на ладони. Артем кинул дымовую шашку красного цвета, и сильная задымленность помогла им пройти опасное место. По канаве они добрались до крайнего дома на крутом берегу пересохшего русла, которое не смогла пройти брони группа. Дальше было двигаться невозможно, душманы были кругом, а русло хорошо простреливалось. Обе рации были подмочены, у взводного вообще не работала, а у Артема – он слышал всех, его никто. Он постоянно пытался связаться с ротой, передавая: «30, я 31 у нас раненый, отойти не можем». На той стороне пересохшего русла были свои, они не знали о них сейчас ничего и, увидев, что дом занимают вооруженные люди, начали артиллеристский обстрел. Счастье, что не попали в цель с первых залпов. Артем забрался на крышу и зажег шашку красного цвета, как обозначение своих войск, но сильный ветер на крыше разметал дым, так что красного цвета практически не было видно, тогда он стал накрывать шашку панамой и резко открывать, это мало помогло, но все же маленькие всплески красного цвета появились. Бомбежка прекратилась, значит, сигнал был принят, и их местонахождение теперь было известно. Душманы начали атаковать дом, взвод занял круговую оборону. Виллисов лежал внизу без сознания, но был жив, в его гортани что-то хрипело, этот звук, вызывающий дрожь по всему телу, был слышан даже на крыше. Крыша была плоская, с небольшим бордюром по краям, а со стороны фасада имелся выступ пирамидальной формы, сделанный видно для красоты. За выступ можно было спрятаться, но душманы принимали, видно, его за лежащего бойца и лупили по нему непрерывно, невозможно было высунуться, что бы выстрелить. Артем отполз чуть назад, свесил автомат на ремне сбоку стены и только так смог вести огонь. По крикам и разговору снизу он понял, что через высохшее русло к ним прибежал рядовой Бойко, и решили этим же путем попробовать отправить раненого к своим. Уложив Виллисова на сделанные из подручных средств носилки, шесть человек перебежками двинулись к противоположному берегу. Огонь усилили обе стороны, но, несмотря на то, что бегущих поддерживала артиллерия, им пришлось два раза бросая носилки, искать укрытия за ближайшими камнями от шквального огня. Добрались все живые, но когда они бросали носилки, в Виллисова попали еще пару раз. Душманы, сосредоточили свои силы с двух сторон от дома у высохшего русла, ожидая, когда будут отступать остальные. Без прикрытия с этой стороны отступление было невозможно, нечего было даже пытаться. На крыше, где лежал Артем, сушилось зерно, он щелкал его как семечки, дурные мысли при этом лезли в голову: «Когда душманы вспорют живот, оно еще не переварится». Двое бандитов подобрались совсем близко к последнему убежищу десантников и попытались взорвать дверь. Артем хотел метнуть в их направлении гранату, но его опередили, и, слава богу, так как он обнаружил, что у него осталась одна граната и то без запала, и это его сильно испугало. На боевых не раз были слышны, когда, попав в окружение и, расстреляв все патроны, десантники подрывали себя, чтобы не сдать живыми и Артем часто задумывался смог ли бы он так поступить. Теперь он не сомневался, что сделает это, но не из чувства долга, а из - за страха попасть живым в руки противника. Он видел однажды тело одного из разведки плененного бандитами. Кожа с живота была срезана, голова без ушей, со вставленным в рот собственным половым членом, валялась в стороне, в задний проход был вставлен деревянный кол. Но это была лишь часть ритуала пыток. Информаторы при первом взводном им рассказывали, как добиваются в бандах информации от пленных. Понимая, что, отрубая палец у плененного, вызывают у него болевой шок, и тогда последующие действия не будут иметь должного воздействия, он просто будет периодически терять сознание. Поэтому они сначала ломали психику, сочетая безумную боль с возвращением к почти нормальному состоянию, и только получив, необходимые данные они – переходили к глумлению над телом. Некоторые приемы получения информации, при первом взводном они и сами использовали, конечно, нелегально, и это помогло провести немало удачных операций. Подгоняемый чувством страха от таких мыслей, Артем спрыгнул с крыши и забрал у Самченко один запал. Только под обстрелом вновь водрузился на крышу, кончились патроны, рисковать зря опять не хотелось, и он крикнул, чтобы ему подкинули патронов прямо в магазине, благо пустых магазинов у всех хватало. Поделится с ним взводный, он отсчитал из последнего целого у него магазина пятнадцать патронов, перезарядил их в пустой и закинул на крышу. Все доложили, что у них тоже осталось от пяти до двадцати патронов. Артем понял, почему душманы затихли. Все силы враг сосредоточил на берегах высохшего

русла, ожидая, что основные силы предпримут попытку прорыва на помощь своим. Вести людей в атаку через русло, значило положить людей в десятки раз больше, чем остатки спасаемого взвода. Засевшие в доме по замыслу душманов выполняли роль приманки, и поэтому огонь по ним прекратился. Одно было понятно, что тех, кто сидел в доме, в любом случае ничего хорошего не ждало. В девятнадцать лет так хотелось жить, жалко было свою мать, и вдруг Артему пришла мысль, прорываться не к своим, как все ожидают, а в горы, в противоположную сторону, а там что будет. Хоть какой-то шанс уцелеть. Со стороны гор душманы оставили один минометный расчет, им и в голову не могло придти, что десантники решат прорываться в этом направлении. Нагнувшись с крыши, Артем изложил свою идею. Взводный даже не обернулся, выслушивая предложение, куда-то прицельно стреляя. Артем проследил направление его выстрелов. В поле подраненный душман пытался ползти то в одну, то в другую сторону, а взводный стрелял перед ним, заставляя менять направление и это когда каждый патрон на счету.

Дальше Артем действовал, не осознавая, что делает, он спрыгнул с крыши и ударил ногой в живот взводного. Тот не ждал удара, пресс был расслаблен и он скрючился от боли. Артем, забрав его автомат, приказал всем прорываться в горы. Взводный, оправившись от удара, попытался возразить, в его защиту попытался что-то сказать и командир второго отделения, но звериный взгляд на бледном лице Артема и выстрелы под ноги обоим пресекли их попытки. Первым по требованию Артема выбежал взводный, он был какой-то растерянный, пробегая несколько метров, останавливался и приседал, приходилось его подгонять. Отходили профессионально, каждый знал свою задачу, куда вести огонь. Без единой потери добежали до миномета, двоих убили, один сбежал, прихватили их ружья с патронами и в горы. Душманы явно не ожидали такого поворота событий, Артем так и не понял, было ли за ними преследование. Они бежали без направления, промоинами – так было легче, на выставление дозора на горах не было ни сил, ни времени. Если бы нарвались на банду, всех бы перестреляли. На себе несли все снаряжение, не решаясь бросить даже бронезилет и ПКМ без патронов раненного Виллисова. Бег со временем все больше напоминал спортивную ходьбу, ноги не слушались, но отдыха ни кто не просил. Страх и огромное желание выжить гнали их вперед в неизвестность в надежде уйти от опасности. И произошло чудо, которое могло случиться наверно только на войне, с рассветом они неожиданно для самих себя вышли к своему батальону. Как это произошло ни тогда, ни сейчас, никто объяснить не мог. На операцию они выдвигались на БМД и с другой стороны батальона, а каким образом двигаясь без четкого направления, оказались с другой стороны батальона объяснить, мог – только бог. Пароль в батальоне пока их не было, сменился, часовой, выскочивший из глиняного дзота, видел, что идут свои, но для порядка, начал требовать пароль, они его чуть не прибили на месте. Взводный потребовал у Артема вернуть его автомат, но, боясь расправы за свои действия, Артем ускорил шаг в направлении вышедшему им навстречу ротному. Ротный обнял его и хотел идти приветствовать остальных, но Артем сунул ему в руки автомат, выдавив: «Это взводного». Взводный подскочил и, отдавая честь, выпалил: «Сейчас все объясню, товарищ капитан!». Ротный, нахмутив брови, приказал Артему идти отдыхать, а взводного отправил в яму. Все как были в одежде, улеглись, не разбирая кроватей, из-за нервного напряжения сон был беспокойный, все ворочались во сне, стонали.

Артема поднял ночью, дневальный велел идти в яму. Яма, вырытая для нарушителей, была в роте одна, когда Артем в нее вселялся, она была пустая. Значит, взводного уже оправдали, а его признали виновным. Тело все болело, страшно хотелось спать, он еще не осознал происходящее, но было не так страшно как там, в окружении, и, прислонившись к холодным камням, он задремал. Трое суток Артем просидел в яме, ожидая решения своей участи, готовился мысленно к расстрелу. Самым удручающим казалось, каким образом сообщат матери, уже представлял примерный текст: «Ваш сын за невыполнение приказа в боевой обстановке приговорен...». Дисциплинарного батальона он, пожалуй, боялся еще больше, отвозил однажды в союз туда приговоренного показательным судом в части бывшего сержанта. Видел там двоих переносящих песок в носилках из ткани до самой земли, все команды бегом, не каждый там выживет, да и позор какой. Из роты, помимо Мухамеда никто к яме не подходил, видно тоже сторону взводного приняли, часовые не в счет, им разговаривать с арестантами не разрешалось. От нервного напряжения аппетит пропал полностью, Артем ничего не ел, одна польза в яме от этого было чище, в туалет приходилось ходить тут же. К яме подходил взводный, увидел Артема курящим, устроил допрос часовому, выяснял, кто передал сигареты, запретил курение. Через час подошел ротный, дал часовому пачку «ЯВА» с фильтром, сказал, чтобы передал Артему, ни понятно было, как кто относится к случившемуся, только Мухамед твердил, что будет все в порядке. На третий день прилетели вертолеты, потом только Артем узнал, что прилетел генерал для решения его судьбы. Тогда он думал, что привезли почту, и гадал, дадут ли ему письма из дома. Его вытащили из ямы, и повели в штаб. Мухамед семенит рядом и что-то лепетал, что напишет командующему и прочее. Артем не слушал, он знал, что уже никто помочь не сможет. В штабе за столом сидел комбат, на столе спереди, свесив ноги, сидел генерал, вальяжно откинувшись назад и опираясь на руку, перед ним слева навтыжку стоял командир взвода, а справа его два командира отделения. Артема подтолкнули сзади, он вынужден был выйти на середину комнаты, где, и встал, скрепив кисти рук за спиной, широко расставив ноги и опустив голову. Генерал не спеша, подошел к нему, похлопывая себе лезвием шашки по левой ладони. Эту шашку, хранившуюся у комбата, захватил Артем еще с первым взводным в одном из аулов. «Как стоите, сержант?» - неожиданно рявкнул генерал. Артем машинально встал по стойке смирно, пытаясь поднять голову, но обида переполняла его и, боясь пустить слезу, он снова опустил ее. «Почему он без ремня?» – опять прогремел голос генерала. Непонятно к кому был обращен вопрос, но взводный быстро вышел

из штаба и принес ремень. Одевая его, Артем понял, что это чужой ремень, он был из кожи заменителя, такой мог оказаться только у молодого бойца и то нерадивого. Наверно, снял у часового, подумал Артем, при входе он заметил на посту молодого солдата с первой роты, в целом же он не мог понять происходящего. Генерал отошел к стоящим в стороне навывтяжку сержантам и, глядя им прямо в глаза, произнес: «Почему в бою командовал только один сержант?».

Артем понял, что он оправдан и все напряжение этих дней, все накопившиеся эмоции разом хлынули наружу. Он пытался сдержаться, но его трясло как осенний лист, слезы хлынули из глаз. Генерал, поняв его состояние, приказал идти в роту, побриться и отдохнуть. Взводного этим же вертолетом отправили в союз. Генерала, как позже стало известно, наградили орденом «Красной звезды», только за посещение передовой.

И этих событий никто из сослуживцев на слете не вспомнил, интересными свойствами обладает память человеческая.

Зато, с каким интересом вспоминали историю с Норкиным - добрым, хорошим, но неприспособленным к службе в армии парнем. Изначально он служил в другой роте. Где его затюкали и забили, отсюда грязная одежда, отрешенный взгляд и т.д. Командир батальона перевел его в группу захвата, то есть, действуя методом от противного, решил сделать из него человека. Теория, явно, не сработала. Много с ним всяких историй приключалось, и вряд ли он стал более пристойно выглядеть. Слишком мягким был, безвольным, физически был не готов к службе, отсюда трудности и лишения воинской службы переносил с трудом, значит, не улыбался, а армейский коллектив таких не признает. Однажды вечером, перед боевым выходом, послали Норкина на полевую кухню за дополнительным пайком, так он прибавил к списку баночку тушенки, буханку хлеба, масла на пять паек больше запросил и сахару полпачки сверху прихватил. На кухне удивились увеличению нормы, ведь все из общего котла бралось, но побоялись возразить доблестной группе захвата. Теперь Норкину надо было тайком съесть полученные излишки, и решил он спуститься в ложбинку рядом с батальоном, она не охранялась, посты были дальше, и в нее никто не ходил, так как вся была наштапована минами сигнальными и боевыми на всякий случай. Прошел он, перешагивая растяжки от мин, выбрал место поудобней и стал уплетать свою добычу. В сухомятку трудно, потребовалось время. Пока, стемнело, назад идти никак, растяжки не видно. В роте решили, – к врагу с провизией подался, всю ночь искали. Только под утро с минного поля его извлекли. После таких выходов понятно как к нему в роту относились, затрещинам и насмешкам не было конца, как не заступались за него отцы командиры. Вооружили его снайперской винтовкой, чтобы в бою не мешался, а когда необходим был меткий выстрел, брали у него винтовку и стреляли. Норкин был настолько худ, что винтовка в его руках оглоблей от саней казалась. Говорят, не хотели его брать в десант, да сам попросился, но на одном романтическом желании разве протянешь. И вот однажды, на боевых, при прочесывании аула, выскочил на него из двери душман с саблей. Как Норкин отбил рукой удар саблей остается загадкой, но он еще нанес удар ногой в грудь противника, а когда тот отлетел, выстрелил в него. У снайперской винтовки калибр 7.62, убойная сила большая, и при выстреле с близкого расстояния, пуля пролетает с огромной скоростью навывлет, почти не причиняя вреда организму, если не заденет жизненно важного органа. Душман упал и стонет, Норкин как заорет: «Убил!». Артем, услышав сбоку выстрел, по звуку сразу понял, кто стрелял, и бросился на выручку. Увидев вооруженного автоматом и саблей бандита, очень удивился, что Норкин смог его завалить. Нападавший не применил автомат, надеясь ликвидировать советского солдата бесшумно, чтобы остальные не пришли на помощь, но Норкин не должен был пропадать из видимости один. Операция только началась, впереди было несколько суток и раненым врагом ни кто бы, ни стал возиться, тем более надо было быстрее замкнуть кольцо прочесывающих, для успешного выполнения задачи. Артем приказал добить раненого. Норкин, обычно стремящийся выполнить любую команду сразу, во избежание подзатыльника, в этот раз решился высказать свое предложение: «Может, в плен возьмем?». Артем, саркастически улыбнувшись, предложил ему нести раненого врага. Оценив всю бесперспективность своего предложения, Норкин приставил сраженному противнику ствол к голове и, отвернувшись, выстрелил.

После двух суток боевых, командиру батальона докладывали о ходе операции, и рассказали, как в рукопашном бою приемом каратэ десантник одержал верх над противником. В лагере, на жаре 40 – 50 градусов, при любой возможности устраивали изматывающие тренировки по рукопашному бою, порой в ущерб нормальному отдыху перед боевыми или после. И не раз личный состав высказывал недовольство, так как навыки каратэ оставались в боях не востребованными. Комбату представилась прекрасная возможность доказать необходимость таких занятий. Он построил батальон и животрепещуще описал, как знание приемов рукопашного боя, спасло жизнь десантнику и помогло одержать верх над вооруженным до зубов противником. Весь батальон слушал с замиранием сердца, в ожидании увидеть героя десантника, только взвод Артема похихикивал. Закончив описание героического поступка, комбат заглянул в бумажку, и приказал: «Ефрейтор Норкин выйти из строя?», до этой команды Норкин был рядовым. Когда он вышел из строя, по рядам прокатился дружный хохот, весь батальон знал о его злоключениях и тяжелой жизни. Комбат сам не раз занимавшийся проблемами этого солдата, и видя реакцию подчиненных, понял, что его речь не возымела должного результата, нашел выход из сложившейся ситуации, закончив речь словами: «И даже такие десантники, владея в совершенстве приемами каратэ, могут дать достойный отпор любому вооруженному противнику». За эту операцию Норкин был представлен к медали «За боевые заслуги».

Сам Артем запомнил войну совершенно по другим эпизодам, но об этом в среде воинствующих героев, так и живущим по упрощенной формуле свои – чужие, как-то не решился говорить. Он ясно помнил, как впервые пошел на боевые. И во время боя, когда он занял позицию за мельницей, на него выбежал в шоке солдат из афганской армии, воюющей против душманов, с оторванной взрывом нижней челюстью. Своя же артиллерия по своим позициям нанесла несколько ударов по ошибке, такое на войне случается. Артем со страху отступил за угол мельницы и желая остановить раненого, не нашел ничего лучшего, как подставить ему подножку. Афганец упал прямо лицом в грязь. Артем перевернул его, попытался очистить раненое место от грязи тампоном, но ничего не получилось, и он прямо так наложил повязку. Кроме этого он истратил на него шприц пирамидона, а потом в бою своим не хватило обезболивающих средств и ему опять попало.

Артем еще раз сладко потянулся в кровати, отогнал от себя воспоминания и подумал: «Нельзя жить прошлым, каким бы оно ни было, иначе прекратится движение вперед. В мирной жизни выдвигаются другие требования, и приходится решать совершенно другие задачи, и прошлым здесь не прикроешься. Быстрей бы электричка, да домой, пока не влип с этими героями в неприличную историю».

ЗАКОН ПОТРЕБЛЕНИЯ

Родились два мальчика, в одном и том же городе, в одно и то же время, оба из благополучных семей. Один красивый, белые густые кудри на голове, голубые глаза, ангельский голосок, прекрасно сложенное тело. Родители на него не могли нарадоваться, все ему пророчили большое будущее, самое меньшее, считали, он станет популярным певцом или артистом, голос и слух у него были исключительны. Второй родился низкорослым, толстым, с кривыми ножками, жидкими волосенками и ослабленным зрением, а огромный нос картошкой уродовал все лицо. Родители его все равно любили, как – никак свое кровное.

Прошло сорок лет. Родившийся красивым, стоит весь в наколках у пивного ларька и выпрашивает у незнакомого парня: «Браток, плесни полкружечки, трубы горят». От былой красоты не осталось и следа, одни мешки под глазами с синюшным оттенком чего стоят, не говоря о пустом бесцветном взгляде, выражающим полное отсутствие каких – либо мыслей.

Второй, толстый и не красивый, стал директором крупного предприятия, избран депутатом области, имеет красавицу жену, двух детей, да секретаршу ослепительной красоты на двадцать лет его моложе. Прекрасно сшитый костюм из дорогой ткани, оригинальная золотая оправа очков, красивая прическа, все это делало его довольно уважаемым и даже симпатичным мужчиной. А живой, умный, пронзительный взгляд выдавал человека мыслящего и интересного, а новенький японский джип подчеркивал неплохое материальное положение. Фотографии, запечатлевшие его в компании знаменитых людей, грамоты подписанные министрами и даже президентом, развешанные в офисе, сами собой рассказывали об интересной творческой жизни хозяина кабинета.

Почему же так случилось, что люди с разными физическими данными и одинаковой моральной и материальной поддержкой добились противоположных результатов? Да потому, что красавчик слишком много потреблял радостей от жизни. На дискотеках, в турпоходах с гитарой у костра – всюду он был первый, девчонки по нему с ума сходили. Жизнь была фонтаном, на учебу и прочие мелочи не хватало времени. И пришел день, когда жизнь ударила, «ключом да прямо по голове», а дальше больше вина, а с ним весь арсенал сопутствующих бед и неприятностей.

Второй же, родившийся с менее удачными природными задатками, успехом на увеселительных мероприятиях был не избалован. Больше сидел над книгами, учил, посещал различные секции и кружки, испытывая дефицит общения. И вот итог.

Как жить, когда и насколько окунуться в мир наслаждений решает каждый сам, но закон потребления действует безжалостно – начал потреблять, топчешься на месте, а то и катишься назад.

ПРОФЕССИОНАЛ

Операция была проведена успешно и в кратчайшие сроки, и было доказано, что это просто несчастный случай. Отсутствие преступника несколько затмевало успех проделанной работы, но даже отрицательный результат, лучше, чем нераскрытое преступление. Сколько шума было в прессе, когда пропал, глава администрации, сколько невероятных версий муссировалось. Особенно тешило самолюбие молодого капитана, что это была первая операция в составе таких профессионалов, и он не упал в грязь лицом. Хотя он и до этого восемь лет проработал следователем в районном РОВД, но там был вечный завал делами, нехватка времени, надо было каждый раз кланчить автомобиль и т.д. Только теперь в этой группе он мог проявить себя, раскрыть свой талант, которого у него, как ему казалось, было с избытком. В этой специально созданной группе, расследовали одно, два дела на несколько человек, несколько автомобилей всегда в подчинении, детектор лжи, не говоря о специальном оборудовании и снаряжении.

Капитан потянулся в кресле и задрал, как остальные, ноги на журнальный столик, вокруг которого они сидели. Все устали и могли бы сразу идти домой, но что-то их объединяло, притягивало друг к

другу, каждый чувствовал себя членом этой семьи. Бывшая жена капитана всегда критически относилась к его загруженности на работе, и особенно это проявлялось в дни зарплаты, и однажды она ушла к предпринимателю – ворюге. Если бы квартиру дали пораньше, может, все сложилось бы по-другому. Жена теперь еще и на квартиру претендует, так как давали на всю семью, официально он еще тогда был не разведен. Встрякнувшись, капитан отогнал от себя грустные мысли, теперь многое должно было измениться, впереди ожидало безоблачное будущее, усеянное звездами на погонах и славой. На журнальном столике появились две бутылки водки из сейфа начальника, судя по звону, там были еще стеклянные емкости. Секретарь порезала колбаски, хлеба, разложила на тарелке соленые огурчики. Ребята, видно, скинулись на этот банкет, и он попытался выяснить, сколько с него причитается, но от него отмахнулись: «Придет и твоя очередь, не волнуйся». Одно то, что он присутствовал на этой пьянке, в кабинете начальника говорило о том, что его признали, и он действительно не раз отличился за эти трое бессонных суток. Усталость перемешивалась с гордостью, он чувствовал себя артистом, которому рукоплещет зал. Первые тосты были за тех, кто погиб, кто в сапогах, за женщин, пили, почти молча, но постепенно языки развязывались, усталость уходила, как будто не было этих бессонных ночей. Дальше больше, пошли анекдоты, байки про рыбалку, охоту, бытовые проблемы, но что было неизменно, с любой темы возвращались на разговоры о работе, хотя зареклись о работе ни слова. Все присутствующие на этой импровизированной вечеринке были явными труда голиками, да еще и бес серебряниками и кроме как о работе им не о чем было говорить. Работа для них – это любовь, хобби, жизнь. С каждым выпитым стаканом, капитан все больше проникался родственными чувствами к этим ранее не знакомым людям. И все-таки весь разговор свелся к последней операции, чего капитан и ждал, так хотелось услышать оценку своих действий. Он хотел только слушать, но, не сдерживаясь, постоянно вмешивался в разговор, высказывая свою точку зрения. Все пришли к выводу, что глава администрации, которого они разыскивали несколько суток, был порядочной скотиной, но об этом уже никто не узнает, все их усилия сведены, на нет – его смертью, а кто захочет ворошить прошлое человека после смерти, тем более чиновника такого ранга. Одно для капитана осталось загадкой, как глава администрации смог заболеть бешенством, если собака его укусила, почему не обратился к врачам или не обследовал собаку, да и где укусить то его могли, если он все время на служебной машине ездил, чуть ли не в туалет с охраной ходил. Да и экспертиза, ни каких укусов у него не выявила, даже старых. Проявилось заболевание на шестнадцатый день после заражения, когда помочь уже было невозможно. Видно, в припадке бешенства он забрался в глухой лес и умер в страшных муках, где его и обнаружили через трое суток. Если бы хоть одно косвенное доказательство говорило о насильственной смерти, на них бы повесили нераскрытое убийство. Два коттеджа смог построить для детей скромный государственный служащий при жизни и два на продажу, которые покрыли расходы на первых два, да еще и прибыль получил за счет разницы оценки БТИ и рыночной ценой. Деньги свои чиновник не вкладывал, государственные прокрутил, и главное вернул все, если бы не заболел осталось бы все «шито – крыто». Да и сейчас, со смертью виновника все будет спущено на тормоза. Во истину все могут короли, только для милиции средств на жилье нет. Но это была только вершина айсберга, сколько косвенных доказательств они накопили в поисках врагов пропавшего чиновника, тут и незаконная торговля нефтепродуктами, незаконная выдача кредитов под сомнительные проекты, скупка путем махинаций контрольных пакетов акций предприятий и т.д. Отдыхал, глава администрации, тоже с размахом, не говоря о загородных турне, дома отдыха, ночные клубы, в районе все было в его распоряжении в любое время суток. Но и этого ему было мало, построил он баню с шикарным бассейном прямо сзади своего кабинета, для ежедневного отдыха без отрыва от производства. Все бы ничего, да стал он туда водить несовершеннолетних девчонок, щедро одаривая их за оказанные услуги. Когда их группа вскрыла эти факты, заподозрили одного бизнесмена в причастности к пропаже чиновника. Бизнесмен тот, оставил жену с ребенком и обзавелся новой семьей, обиженная мать запретила ему видится с дочкой. Дочь морально подавленная враждой родителей, нашла понимание в уличной компании, с которой и попала в баню за кабинетом. Другие участники банного времяпрепровождения, скрывали или придумывали оправдание щедрым подаркам дяди Вани, которые приносили в дом, а дочь бизнесмена не утруждала свою фантазию, ссылаясь просто на щедрость папы, поживающего отдельно. Когда у папы с мамой все же состоялся разговор о судьбе дочери, отец впервые узнал о получаемых от него каждую неделю подарках стоимостью порой до пятисот долларов. Дочь была с пристрастием допрошена и, расплакавшись, все рассказала. Много косвенных улик они собрали, что бизнесмен задумал без милиции наказать подлеца, да видимо не успел. Этого бизнесмена, все присутствующие на банкете, без конца хвалили, восхищаясь его умом, тем, что он служил в Афганистане, жалели, что он не работает в их группе. Получалось, этот парень должен был занять за этим столом самое почетное место. Капитан, искренне не понимая причин такого восхищения, спросил начальника заплетающимся языком: «Чего вы его так восхваляете? Дочь уберечь от беды не смог. Сам ничего не смог и в милицию струсил обратиться, а если бы раскрутили это дело, он бы от позора умер, а не от бешенства».

Наступило гробовое молчание. За последние, несколько суток, капитан впервые почувствовал неловкость, некоторое отчуждение, даже протрезвел. Молчание, длившиеся секунды, казалось вечностью, на него смотрели, как на чужака, мозг капитана усиленно пытался понять, что не так он сказал, в чем причина создавшейся напряженной обстановки. Первым заговорил начальник, фразы он произносил медленно, с плохо скрываемым раздражением в голосе: «За дочь жена в ответе, использующая ее как орудие в войне с бывшим мужем. Он же, не желая травмировать душу ребенка, надеялся со временем уладить все без вмешательства суда, плохого помощника в данном вопросе. Он же объяснял, что дочь

просто убежала, завидев его, как ей велела мать, какой тут суд поможет?! Если бы он в милицию обратился, чем бы мы могли помочь, что доказать? С учетом занимаемого преступником положения, дело развалилось бы на следствии, а в суде сто процентов, ни кто бы, ни позволил заговорить такому человеку, а он бы заговорил, если бы почувствовал опасность. Ребенок в течение нескольких лет пережил столько, что взрослому хватило бы сойти с ума. Ну, а насчет того, что сам ничего не смог, спорный вопрос?». Выдержав паузу, как бы раздумывая, стоит ли говорить дальше, он продолжил: «Капитан, ты видел в сарайчике у бизнесмена две веревки, как растяжки привязанные к одному ошейнику?». Он утвердительно кивнул и, правда, его удивило, зачем собаке два поводка, вот про растяжки он как-то не подумал. Начальник опять выждал паузу, прежде чем задать следующий вопрос: «С мангалом для изготовления шашлыков рядом стояла канистра с бензином и кружка, которой бензин подливался куда-то и ни одного угля в мангале, а он теплый. Значит? – Что-то жгли в мангале, что-то не большое, возможно бешеную, уже мертвую собаку, которая содержалась в ошейнике на растяжках – а?». Еще немного выждав, опить продолжил: «Если человека не обследовать, симптомы бешенства проявляются через шестнадцать дней, когда надежды на спасение уже нет, укусов у погибшего нет, но заразиться он мог и через слизистую оболочку глаз или рот, как объяснил врач. Восемнадцать дней до смертельного исхода погибший и бизнесмен были вместе на праздновании открытия благотворительного фонда и там, естественно, выпивали, закусывали. Правда, почему он ушел умирать в лес, один, на служебном автомобиле? Возможно, узнал о заболевании, понял, что пришел час расплаты, хотел избежать позора. Не все понятно, согласен, но бизнесмен молодец, чисто подлец сработал, ни одной зацепки не оставил».

Капитан, удрученно опустив голову, тупо смотрел перед собой. Понял он, что еще многому придется поучиться у этих ребят. От этих мыслей опять вернулась усталость, и он обречено произнес: «Значит, все-таки не раскрыли?». Все стали собираться домой, кто-то хлопнул его по плечу, и успокоил: «Не переживай, может здесь, и раскрывать не надо было, на все воля божья». Мысли путались в голове, от чуть больше обычной нормы выпитого спиртного, надо было срочно проспать, чтобы трезво оценить события этих дней. С этой мыслью он распрощался со всеми на улице, не чувствуя того единения как в начале, но он чувствовал и знал, что будет полноправным членом этой семьи, это его жизнь и он с ними.

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ

В обычной русской деревушке с полу развалившимися домиками родился обычный мальчик, но назвали его не обычно – Корадо. То бабка Миланья лепту свою внесла, фильмов у свекрови в городе насмотрелась. И воспитывала его по-своему: пока родители бились в поле от зари до зари за урожай, она ему вместо сказок детективы про Корадо рассказывала. Его так сверстники и кликали – Комиссар, за несгибаемый характер и непримиримость даже с маленькой ложью или несправедливостью.

Шло время, но только одна мечта твердо укреплялась в сердце Корадо – стать настоящим сыщиком и покончить с мафией опутавшей и парализовавшей все общество. Закончил он школу МВД, получил блестящие погоны с двумя маленькими звездочками, к этому времени у него дочке исполнилось четыре месяца, и всей семьей они отметили это событие с лимонадом и пирожными, дочь по возрасту пила молоко.

На новом месте Корадо познакомили с вверенной ему территорией и сразу вручили пять дел для расследования. Вместо положенного автомобиля ему предоставили мотоцикл «Урал», постреливающий из глушителей как боевая машина и объяснили, что талонов в этом квартале на бензин не будет. Квартирный вопрос сказали даже не поднимать вы ближайшие пять лет, – но эти проблемы казались такими мелкими перед высокой целью установления правопорядка в районе и уничтожения преступных группировок. Служебный гараж был далеко от общежития, а для достижения высокой цели транспорт мог понадобиться в любую минуту, но это не все понимали, и в первую ночь с мотоцикла сняли аккумулятор. Корадо не унывал, выкроил на аккумулятор, а затем и на фару, снятую во вторую ночь, из семейного бюджета, но главное, что ему удалось собрать доказательство против крупного преступного авторитета и его ближайшего помощника адвоката Теразини. Осталось провести ряд оперативно-следственных мероприятий и мафии придет конец.

Попутно наслаивались мелкие проблемы: из общежития из-за отсутствия горячей воды и антисанитарии пришлось переехать на частную квартиру в маленькую комнату, муж хозяйки всегда возвращался на автопилоте, шумно укладывался спать, одной зарплаты никак не хватало до следующего 20 числа. Но на огорчения у Корадо просто не было времени. Возвращаясь поздно ночью, выслушивал про эти проблемы, уже засыпая, обдумывая план действий на завтра.

Мафия почувствовала запах жаренного и не раз пыталась найти выход на Корадо. Ему неожиданно предложили купить за бесценок в рассрочку шикарную квартиру, кухонный гарнитур, финский унитаз и т.д., передовая каждый раз привет от благодетеля Теразини. Корадо был неподкупен, жене, правда, про щедрые предложения не рассказывал, видя ее усталые от житейских проблем глаза, не был уверен, устоит ли. Когда же у дочери от детского питания началась аллергия и проблемы с иммунной системой, Корадо оказался просто в безвыходном положении. Огромных денег, требующихся не лечение, было взять просто негде. Он объездил все больницы, был даже в столице и везде разводили руками или отсылали к «доброму» Теразини. Когда вернулся из Москвы, дома ждала ошеломляющая новость. У жены появилась новая подруга, жена Теразини, она принесла необходимое импортное лекарст-

во ребенку, специальное детское питание и мыло, различные детские костюмчики, а жене подарила старинные сережки с бриллиантами. Жена Корадо даже не поняла, что это чистый подкуп. Но самое страшное, что часть лекарств, продуктов и прочего была использована. А жена в сережках с бриллиантами летала по комнате как на крыльях, что-то бессмысленно щебеча. Дочка веселая, со здоровым румянцем на щеках, впервые за многие месяцы, весело играла с новыми электронными игрушками. Корадо угрюмо обдумывал, как все вернуть на свои места, и вдруг жена бросилась к нему со слезами на шею. Это был нервный срыв, связанный с переживаниями и проблемами, свалившимися на их головы за последние годы. Плача она рассказывала, как живут Теразини, об их заграничных поездках, о Пекине, Лондоне, Рио-де-Жанейро и т.д. Немного успокоившись, она поцеловала мужа и стала его или себя убеждать, что они тоже живут счастливо.

Корадо встал, подошел к окну, долго смотрел в ночное небо, внизу поблескивал его мотоцикл без колес. Вспомнились слова его начальника: «С яслями у нас трудно, вы как люди долга должны понимать это правильно». По обшарпанному подоконнику пробежало семейство тараканов. Промелькнула мысль о ремонте, но о проблемах с ним связанных, лучше было не думать. В душе наступила какая-то пустота, где-то внутри, в подсознании щелкали контакты, работали невидимые механизмы, но мыслей не было, мозг как оцепенел. Корадо встряхнул головой, что бы прийти в себя и шагнул к телефону: «Алло! Это адвокат Теразини? Я хотел поблагодарить за помощь.....».

ПАПАРАЦЦИ ВСЮДУ

Ни в одной, даже очень трудной ситуации, когда хочется иметь сильную защиту или обратиться к специалисту и, заплатив любые деньги, перегрузить основную массу проблем на чужие плечи, нельзя терять бдительность и полностью доверять принимать решения за себя.

Страшно, когда за решение вашей проблемы возьмется человек не полностью компетентный, но еще страшней, когда за дело возьмется специалист, способный, в угоду своим корыстным интересам, играть вашей судьбой и ваших близких. Который способен, ради ежеминутной наживы, игнорировать все морально – этические нормы. Вас затянет, как в водоворот, поток его лживых объяснений и обещаний.

Банален и прост пример с врачом, когда у человека устанавливается диагноз трудно внешне определимого заболевания, а еще лучше связанного, например, с интимной жизнью клиента и денежки за лечение текут рекой, начиная от дорогих лекарств и кончая нетрадиционными методами лечения.

Более сложным примером может служить участие адвоката в гражданских делах, исход которых предрешен и известен практически сразу с небольшим отклонением в ту или другую сторону. В этом случае, вместо честной и исчерпывающей консультации, за 10-30 рублей, клиенту предлагают выполнить ряд условий, нарушающие все моральные, а порой и уголовные нормы, рисуя при этом, безоблачные дали, усыпанные полученным через суд имуществом и деньгами. И клиент, проглотив наживку, втягивается в борьбу на долгие годы, выплачивая гонорар адвокату, в десятки раз больше, чем простая консультация. Дальше обсаывается ложная версия, лжесвидетели и т.д. Выполнение условий возлагается на клиента, их должно быть как можно больше, что бы все невозможно было выполнить, а значит и в случае неудачи виноват клиент. Адвокат прекрасно понимает, что на лжесвидетелей найдутся настоящие, а опытный судья сможет отличить ложь от правды, и решение будет вынесено по установленным фактам не вызывающим сомнения. Суд обязан изучать все доказательства, процессы длятся годами, перегружая суды, истцы и ответчики тратят огромные средства, нервы, нередки случаи трагического исхода затянувшийся войны, близкие люди становятся злейшими врагами, в военные действия вовлекаются дети, получая неизлечимую психологическую травму. Все действие происходит ради гонорара, который выплачивается обреченной на проигрыш стороной. Казалось бы, в такой ситуации, клиент должен потребовать деньги обратно и больше не обращаться к данному адвокату и другим наказать, но срывается чувство, в психологии называемое «синдромом заложника», их настолько сблизает общая борьба в течение нескольких лет, аморальные и противозаконные действия, что они расстанутся близкими друзьями, а попросту говоря соучастниками.

В любой ситуации, надо самому держать ситуацию под контролем, а не уповать на волшебника с палочкой, и соизмерять свои поступки со своими понятиями о нормах морали, помня, что зло всегда возвращается к породившему его.

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Случилось это событие в обычный дождливый день. Летел самолет с делегацией партийных работников и верхушки администрации из одной огромной страны в другую большую страну с дружеским визитом, правда, политический строй в этих странах был разный, но, когда в долг надо выпросить, на что глаза не закроешь.

И вдруг два мощных разряда молнии попало в самолет, тряхнуло корпус и камнем бросило вниз на землю и, видно, произошло перемещение во времени, да на несколько веков назад. Упал самолет в долине зеленой, кругом леса роскошные, да справа река широкая, а на ее берегах вигвамы, кони пасутся, народец в набедренных повязках молится, да причитает в их сторону.

Долго руководящие работники гадали, в какую страну их забросило, да так и не поняли, что во времени переместились, но не растерялись, лихо взялись за дело – порядок наводить, как и подобало их уровню, благо не трудно было. Народец послушный попался и их как посланников с небес побаивался. Условия опять же с их страной были схожи, дорог нет, коллективный труд за хлеб насущный, общие собрания, всякие вожди, советы старейшин и т.д. Все структуры они вниз сдвинули, а сами стали верховным органом, объясняя всем как жить, или, указывая, если не понимали. До них порядку не было, если охотники с добычей вернулись или урожае хороший собрали, все – все поровну съедали, а когда неурожай или плохая охота все голодали. Такого руководящие работники допустить не могли и ввели обязательную сдачу всех запасов и сами потом все распределяли по заслугам, должностям и количеству детей и т.д., не забывая себя. Построили склады, оставляя запасы для себя престарелых и детей, на случай неурожая и т.д. Для себя, потому что они всегда мудро руководили и нет их вины в неурожае или неудачной охоте, и престарелым с детьми потому же, но им все равно нечего не оставалось. Народец, не понимающий своего счастья, зароптал, пришлось из самых преданных, создать силовые структуры. Дальше больше, рабочих рук становилось все меньше, все устремились распределять, управлять, охранять. Пошел мор, наступил голод, бежать людишки стали на ближайшие острова. Руководящих работников никакими трудностями испугать нельзя, границы перекрыли, да на свободные острова войной пошли для освобождения трудящихся от рабского труда на вождей да шаманов – кровопивцев, для утверждения истиной справедливости. Все события истории вспять пошли. Тут не выдержал Всевышний, с трудом прокрутил колесо истории назад до того момента когда злополучная молния должна была попасть в самолет и отбил ее, и все встало на свое место. Руководящие работники все события забыли и на земле обетованной жизнь пошла своим порядком, как будто ничего не было. Только одна женщина, на том острове, забеременевшая от руководства самого молодого руководителя, уехала на другой остров к моменту возвращения Всевышним всего на свои места, и ее этот процесс не затронул. Родила она мальчика и назвала его Фиделем, ох и бед он, когда вырос на том острове наделал, но это отдельная история.

ОТДЫХ В ЗАПРЕТНОЙ ЗОНЕ

Ярослав вернулся юга загоревшим, усталым и сильно похудевшим. Это поездка в корне перевернула его мировоззрение и не могла не повлиять на дальнейшую судьбу. Они, трое студентов юридического вечернего факультета, решили провести полагающийся им летний отпуск в запретной зоне Фороса, где находится президентская дача и другие объекты стратегического назначения. Более интересного и насыщенного различными событиями, встречами отпуска он не мог вспомнить. Запретная зона оказалась усеянной интересными людьми и целыми группами туристов, придерживающихся нетрадиционных взглядов. Вокруг каждого пограничного поста в этой зоне десятки протоптанных нелегалами троп. Два дня они провели в лагере дофинистов, это которым все до фени. Как ребята оттягиваются описать невозможно, характерен такой пример, когда вновь прибывающую к ним группу задержали на подходе пограничники. В ожидании автобуса всех задержанных согнали и усадили на землю на опушке леса. Где они, посоветовавшись, решили время не терять (не зря же такую дорогу проделали) и устроили со своими девчонками любовные оргии, прямо на глазах очумевших от увиденного, пограничников. Хотя за видимостью равноправия и разговорах о братстве у них царило поклонение слабым сильным и эксплуатация молодых за право быть в этой компании, было очевидно, что многие из них пройдут школу спецшкол и тюрем, где их наивная романтика исчезнет бес следа. Запоминающийся вечер провели в лагере альпинистов, которые покоряют горные вершины без какого-либо снаряжения, только при помощи цепких пальцев рук и ног. Мужественные, мускулистые парни полные фанатики своего увлечения, но риск огромный и вряд ли может быть оправдан. Когда они рассказывали о гибели своих товарищей, просто дух захватывало. Однажды ночью, уходя от преследовавших их пограничников, в темноте наткнулись на палатку с вывешенным перед входом полотенцем с вышитыми на нем китайскими иероглифами. На стук из палатки выглянули две головы, у одной нос был, свернут в одну сторону, у другой в другую. Как потом выяснилось, это были поклонники йоги. Разбив лагерь, рядом они прожили три дня, в этом укромном месте в горах. Йоги почти ничего не ели, с утра становились в какую-нибудь позу и уходили в какое-то особое состояние, это позволяло, не опасаясь за туристический скарб, налегке отправляться к морю. Один раз они попали даже в лагерь к «голубым», не сразу правда, это поняли. А когда один попытался погладить Ярослава по ноге, пришлось быстро собрать вещи и сменить стоянку. Самым интересным и запоминающимся событием в памяти осталась встреча с профессором математики, диссидентом в прошлом и его двумя замечательными детьми. Ярослава сильно поразило, как его, студента третьего курса университета, отличника, разбил в пух и прах по марксистско-ленинской философии по всем позициям и на простейших примерах, ученик шестого класса, сын профессора – Кирилл. Ярослав до хрипоты в голове пытался отстоять правильность формулы: $T+PT+PC=T^2$, где 2- прибавку незаконно присваивает капиталист. А Кирилл попросил представить, что они с Ярославом сами капиталисты и купили T – сырье (камни и палки), прибавили PT – предметы труда (напильники и прочий инструмент для обработки сырья), и прибавили PC – рабочую силу (долбили, обрабатывали, обтачивали камни и палки с утра до вечера), и произвели они каменные топоры. Да еще попытались продать их не как сувениры, а на производстве где давно применяются металлические. «Какую прибыль получим мы на рынке и что присвоим как капиталисты?» – спрашивал Кирилл. Каменные топоры в 20 веке, естественно, не нужны, значит, прибыли не будет. Формула явно была не совершенна, в ней не хватало еще одной буквы, обозначаю-

щей знание спроса рынка, интуицию предпринимателя и т.д. Впервые Ярослав узнал, что еще Бисмарк сказал про Маркса: «С этим бухгалтером Европа еще наплачется». Европа-то умней, оказалась, а уж Россия пролила реки слез. Он впервые узнал о математических моделях общества и многое другое, всего не перескажешь. Ярослав понимал, что теперь он будет жить иначе, правда, еще не знал как, но по-другому. Цель посвятить свою жизнь борьбе с преступностью, овладевшая ранее им безраздельно, уже казалось не совсем достойной, ибо сама преступность в свете нового мировоззрения не всегда казалась аморальна. Рабовладельческий строй рухнул из-за неповиновения и постоянных восстаний рабов, а разве не прав предприниматель, не желающий платить драконовские налоги, способные задушить любое дело и не доходящие обратно до народа. Именно такое массовое неповиновение разрушает порочную, на жизнеспособную систему государства и вряд ли славен тот, кто пытается ее поддержать. Они выполняют волю тех, кто, введя непосильные налоги, сделал всю страну преступниками, и ловко дергая за веревочки, периодически находит козлов отпущения, смотри, мол, народ мы за тебя. Как сказал один пастух в горах: «За меня, за меня эта власть и ест и спит и отдыхает и деньги получает, а я только работаю».

БЕССМЕРТИЕ

В орла стрелял охотник
И перебил крыло.
Так просто, для забавы –
был нажат курок.
Паденье было удачным,
но слезы на глазах,
идет орел к обрыву,
нет жизни – не в небесах!
В его глазах бесстрашье,
Он слишком любит жизнь.
Но почему ж, тогда он
с обрыва бросился вниз?
Да потому – поймите,
что жизнью для себя –
назвал он небо синее,
и больше ничего.
Он ужом не будет,
орел лишь в небе он,
и там душа воспрянет,
так думал птичий мозг!
И пусть логика пернатого
в чем-то не права –
душа его осталась в небе навсегда!
Душа его осталась в моем сердце навсегда!